

***Петров Анатолий Иванович
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."***

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕЙ СЕМЬЕ

Я родился 28 апреля 1938 года.

Моя семья:

Отец – Иван Константинович, 1908 г. Семья отца была большая: 9 мальчиков и 2 девочки. По тем временам семья была зажиточная (много мужских рук). И вот в 30-х годах началась коллективизация. Поэтому мальчиков отправили в Ленинград, чтобы семью не считали «кулаками». Отец так же уехал в Ленинград, где он выучился на шофера. Было ему 19 лет. И моя мама полюбила его за то, что от него пахло бензином (смешно, но это факт). Из всех братьев выжил только отец.

В 1938 г. его призвали в армию, где он служил в кавалерии. Участвовал в Финской компании 39-40 гг. Затем началась Великая отечественная война 1941-1945 гг. К чему я это говорю: фактически свое младенчество я рос без отца. Всю ВОВ был шофером при авиационном полку. Личный шофер командира авиационного полка. О своей службе он ничего не рассказывал (не принято было). 1946 году зимой вернулся домой. Помню, что был очень нервный, раздражительный, недоверчивый, ревнивый. Что сделала с ним война! Вскоре пришел в себя, как говорится. И стал работать шофером. Прожил 64 года.

Мама: Александра Сергеевна, 1911 г. Всю блокаду была в Ленинграде. О ней я знаю очень мало (не любила она говорить или делиться о блокаде). Но кое-чего я помню. В начале войны была на рытье противотанковых рвов под Лугой. Неоднократно подвергалась бомбежкам. Удивлялась, как выжила. Затем, когда замкнулось кольцо блокады (8 сентября) была на торфяных разработках. От истощения чуть не умерла. Спасибо соседке по коммунальной квартире Марии Ивановне (фамилию не помню), которая ее выходила. И еще, Мария Ивановна спасла мою маму, когда она наелась какой-то травы, от которой она распухла. В дверь она могла зайти только боком. После истощения и, когда соседка ее выходила, ее снова отправили на торфяные разработки. И когда она пришла в пункт распределения на работы, то начальник, увидев ее, сказал: «Вы же лопату не сможете держать», и направил ее на дрожжевой завод. А потом ее отправили во второе отделение милиции, что находится на Садовой улице на должность

«тележница». Ее задача была такая: с Садовой улицы по нынешнему Московскому проспекту возила она свою телегу-арбу до Московских ворот, где недалеко проходила линия обороны. Естественно, она неоднократно попадала под бомбежки и артобстрелы. Слава Богу – ни разу не была ранена. В нашем доме на углу Садовой и канала Грибоедова на нашем втором этаже была установлена зенитная батарея. Рядом с домом был завод «Адмиралтейский», или его еще называли «завод Марти». Немцы очень его бомбили, и мама говорила, что дом шатался, как будто было землетрясение. Страшно. В бомбоубежище она не ходила, когда была дома. Не было сил!

Умерла мама в 91 год, полная сил, до конца обслуживала себя.

Сестра Валентина, 1933 г. Это моя вторая мама – восьмилетняя

второклассница. Меня с сестрой эвакуировали зимой 1942 года. В августе 1945 мы вернулись из эвакуации.

Где-то на пересыльном пункте у меня заняли (украли) теплые сапожки, так называемые бурки. Помню, как плакал и кричал: «Где мои булки?». Буку «р» я не выговаривал. Эвакуация проходила так. Домоуправление собрало детей разных возрастов (от 3-х лет до 12) примерно 40 человек. Когда мы ехали в «телячьих» вагонах, наш поезд подвергался неоднократным бомбежкам. Я что-то помню. Нас

везли сперва в Ярославскую область, затем в Курганскую и конечным пунктом в Челябинскую. Запомнилась Курганская область, где были сильные морозы и еще сильнее ветер. Старшие ходили из спального помещения в столовую, которая находилась на каком-то расстоянии, держась за веревку. Однажды, двух мальчиков ветер унес куда-то. Их нашли. Во время нашего «кризиса», нам подбросили мальчика (мы его называли Валерий) без документов, он был примерно моего возраста. Мы с ним были самые младшие и по росту, и по дате рождения. Потом его усыновили, и я остался один. Если кто-либо меня обижал, я кричал: «Вале скажу», - и от меня отступали. Во время эвакуации два мальчика умерли. К нам редко приходили письма от родителей.

Наше питание. Помню, что мы старались есть быстро для того, чтобы скорее залезть под стол и собрать крошки. Летом собирали лебеду и что-то еще, ели какие-то шарики – кругляши какого-то растения. Не знаю от кого слышал, или меня научил кто-то, но я пел песню с такими словами:

Сожру половину кита я

И буду, наверно сытая я

Денек или два, а затем

И все остальное доем

Все мне хлопали. И все хотели кита.

Старшие ребята нашли мешок соли – сосали ее как конфетки, так как соль была комками. Так же жевали как жвачку вар, чем сапожники обрабатывали дратву (нитку) при шитье и ремонте обуви.

Я с подкидышем Валерой оставались одни в спальном помещении, т.к. остальные ребята учились в школе. В конце 1942 года старших мальчиков 12 лет отправили в Ленинград в ФЗО (фабрично-заводское обучение). Уехал и мой двоюродный брат Виктор. И еще была у нас двоюродная сестра Нина, сестра Виктора. Она была очень слабенькая, ее ребята жалели. Из эвакуации нас везли опять же в «телячьих» вагонах 1,5 месяца. И здорово откармливали. Многие болели

(я тоже). В Ленинград вернулись в августе 1945 года, и я пошел в школу. В классе я был самым маленьким по росту. «Строевым» шагом проходил под столом (высота под столом 75 см.). Со второго класса стал носить очки +2. С девятого класса ушел из школы и пошел работать – учиться в ремесленное училище №2 при Кировском заводе, одновременно учился в ШРМ (школа рабочей молодежи) 9 и 10 классы. Где познакомился с девушкой и женился в дальнейшем на ней. Ее звали Нина, но я всегда звал ее «Нинон». Двое детей – девочка и мальчик. 1957 году призван в армию. 1983 г. ушел в отставку в звании гвардии майор. В 1984 году умерла жена. Дети выучились, у каждого своя семья, а я уже 17 год состою в Благотворительном обществе «Хэсэд Авраам» - волонтером в группе мелкого ремонта. Обслуживаем больных, одиноких по ремонту от входного звонка двери и все что находится внутри квартиры.

14.01.2013-27.02.2013